

Читайте в серии
«Все счастливые семьи»
трилогию
Анри Труайя:

«СЕМЬЯ ЭГЛЕТЬЕР»

«ГОЛОД ЛЬВЯТ»

«КРУШЕНИЕ»

и цикл
Филиппа Эриа:

«СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ»

«ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ»

Филипп Эриа

ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ

К Н И Г А В Т О Р А Я

НОВЫЕ ГЕРОИ В СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКЕ

АЗБУКА
МОСКВА

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Э77

Philippe Hériat
Les Enfants gâtés

Перевод с французского Надежды Жарковой и Бориса Песиса
Иллюстрация на обложке Марины Ларченко

Эриа Филипп

Э77 Испорченные дети: роман / Филипп Эриа; [пер. с фр. Н. Жарковой и Б. Песиса]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 400 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-26873-9

В «Испорченных детях» Филипп Эриа рассказывает о новых поколениях могущественного клана Буссардель. За этой громкой фамилией скрываются жестокие люди без совести и морали, которые ради собственного благополучия готовы на любую подлость.

Агнесса Буссардель с самого детства ощущает себя белой вороной в этом семействе. Ее раздражают лживые традиции, чопорные родственники и лицемерное воспитание. Между тем она не замечает, что и сама тратит огромные деньги на наряды и путешествия, сплетничает и участвует в интригах.

Чтобы вырваться из семейных сетей, Агнесса уезжает на учебу в Америку, но такая долгожданная свобода не приносит ей счастья.

По возвращении в Париж Агнессе предстоит сделать непростой выбор: стать частью Буссарделей или пойти наперекор семье.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Éditions Gallimard, Paris, 1939
© Жаркова Н.М., Песис Б.А., наследники,
перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2025
Издательство АЗБУКА®

ВСТУПЛЕНИЕ

Она сказала:

— Пусть так, возможно, вы и правы. Может, и впрямь будет полезно записать эту историю, чтобы она не покрылась мраком забвения. Я вам ее расскажу. Только прошу вас раз и навсегда не удивляться тому, что рассказывать буду с полной откровенностью. Учтите, что я вовсе не собираюсь настаивать на своей правоте. Истина — вся истина — никогда не бывает ни на той, ни на другой стороне.

Но внезапно она замолчала, не произнесла больше ни слова, не пошевелилась. Мне почудилось даже, что она затаила дыхание. Невольно мне на ум пришел дирижер оркестра, который, бессильно свесив руки, дает своим музыкантам последнюю передышку перед решительным tutti.

Мне показалось, что она пытается отбросить сдерживавшие ее до этой минуты чувства: стыдливость, отвращение перед бесполезным копанием в давно забытых кладовых, а также хочет побороть свою вторую натуру, как все одинокие, для которых тишина становится привычным фоном дня, а слово — быстро смолкающим звуком.

И тут же со странной настойчивостью повторила: «Ну что ж, расскажу вам о себе», — но уже совсем иным, нарочито небрежным тоном и сделала вид, будто согласна рассказывать лишь только потому, что вдруг обнаружила в своей истории доселе неизвестные, лестные для себя стороны. Я же догадался, что она давно готовила свой рассказ. Я вспомнил, что еще накануне она старалась оттянуть эту минуту: ясно, она не спала всю ночь, роясь бессонными часами в своем прошлом, вытаскивая на свет божий портреты и письма, совлекая покровы с той женщины, какой была раньше.

Знал я также, что этим самым утром она на несколько дней отослала сынишку к соседним рыбакам, единственным своим друзьям. Я понял этот ее жест: удалив сына, она тем самым позволяла своему собственному призраку обрести плоть и войти в ее дом. Под этим кровом не было места одновременно для молодой девушки, уже ушедшей из жизни, и для ныне здравствующего ее сына.

Сидя рядом со мной в саду на площадке, Агнеса Буссардель покачивала головой; и, пожалуй, чересчур резки, как у Юноны, были черты ее лица, еще слишком молодого, чтобы огрубеть.

Она сидела, оставив в пол свои прекрасные глаза, — видимо, так ей было легче собрать воедино разрозненные части своей истории, заранее классифицировать их, выбрать то, что позволило бы, ради вящей убедительности, наиболее экономно и с наибольшей точностью воспроизвести события, еще жившие в ее памяти. Я мог быть совершенно спокоен: мне не угрожала случайная импровизация.

Все эти предосторожности, которые, впрочем, вскоре на моих глазах отступили под напором воспоминаний, а возможно, и злопамятства, лишь затруднили начало рассказа. Но эта странная женщина, которая даже в моем присутствии непрерывно за собой наблюдала, спохватилась сама; она не сразу нашла первые фразы и объяснила это лавирование трудностями любого начала: как ухватить первое звено в цепи?

— Я не буду рассказывать вам о моем детстве, — произнесла она. — Упомяну только то, что потребует ход рассказа, и то, что покажется мне необходимым. А если понадобится, возвращусь вспять. Так все-таки лучше. Чтобы разглядеть сущность человека за мыслями и действиями других людей, особенно когда говоришь о себе, календарь — ненадежный проводник.

Она добавила:

— А как по-вашему? — и по ее равнодушному тону я понял, как далеко меня оттеснили тени, оживавшие в ее мозгу.

Я согласился. Признался, что в области повествовательной я считаю хронологию обманчивым, хотя и наиболее удобным орудием. Ибо годы, дни и часы жизни никогда не казались мне неподвижными величинами, выстроенными соответственно датам в некую незыблемую линию; напротив того, я ощущаю их как в высшей степени непоседливые элементы, как частицы, вращающиеся в системе нашей умственной галактики. И я считаю, что мы представляем собой сумму моментов, вновь и вновь неизменно перемешивающихся между собой.

Я просто не понимаю, как история любого из нас может строиться на датах, если при ближайшем рассмотрении оказывается, что этапы ее то и дело меняются местами, а развитие завершается в порядке, противоречащем физическим законам, коль скоро с приходом ночи все вдруг освещается солнцем, река течет вспять к своим истокам, а цветок еще упорно держится на ветке, хотя плод давно сгнил.

Но меня уже не слушали. Та, с которой я беседовал, сама видела во мне лишь слушателя, и я не смел ее прерывать. Теперь ее мучило нетерпение, которое не оставит ее и в течение часов, в течение долгих дней будет держать в состоянии лихорадочного ясновидения.

I

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Проще всего было бы начать с Нью-Йорка, — сказала Агнесса Буссардель. — Но, пожалуй, лучше, чем с самого Нью-Йорка, начну с верхушки небоскреба на Пятой авеню, где я провела свои последние минуты в Америке. Не сомневаюсь, что такое начало покажется вам несколько модернистским и условным. Зато мой рассказ будет более ясным и точным. Ничего не поделаешь! Впрочем, я поднялась так высоко в то утро, в день моего отъезда, все не ради удовольствия сделать эффектный жест, а просто чтобы там позавтракать. Вы знаете американцев? В моих глазах самым привлекательным их свойством является то, что я про себя называю «постоянной готовностью». Они всегда готовы сделать то, что никогда не делалось или не делается. Возьмите хотя бы их склонность строить дома выше церквей, продавать пиво и теннисные мячи в консервных банках и оказывать внимание незнакомке, которая в восемь часов утра в пустынном дансинге на семидесятом этаже просит подать ей завтрак.

Последнюю неделю я провела в Нью-Йорке. Я приехала сюда свежая, бодрая, хотя «Стрим Лай-

нер» — экспресс, который увез меня из Сан-Франциско, — катит с такой скоростью, что сдают нервы, и так в течение целых трех дней. Но в последующие двое суток я совсем вымоталась и к концу недели от усталости просто лишилась сил.

Самая удивительная, самая невыносимая неделя из всех моих американских недель. Ни с чем не сравнимое чувство, необъяснимое наваждение, какое-то безумие вдруг охватило меня, как только я вышла из вагона; оно в течение целых восьми дней носило меня по всему Нью-Йорку, бросало из одной части города в другую, без конца приводило все на те же перекрестки. Каждый раз я застревала на улицах до двух-трех часов ночи. А в восемь утра та же сила подымала меня с постели, гнала прочь из отеля. Мне хотелось видеть буквально все — иллюзорная надежда в этой точке земного шара! Даже больше: увидеть все вторично, еще раз пройти мимо того, что меня особенно поразило, восхитило или взволновало. Я сама понимала, что произвожу впечатление одержимой, хозяйки дома, охваченного огнем, которая, невзирая на близкую опасность, бегаёт из комнаты в комнату, пытаюсь спасти это, и это, и еще вот то, вопреки благоразумию и вопреки рассудку.

Каким образом это смятение не открыло мне глаза на то, что происходило, на то, что зрело во мне? Должно быть, я совсем потеряла голову, раз все это от меня ускользало. Даже мой туристский пыл был просто неестествен после двух долгих лет пребывания в Соединенных Штатах, в течение которых у меня было достаточно времени подумать

о возвращении, радоваться ему в мыслях, десятки раз отодвигать назначенную дату отъезда, зная, однако, что она неминуемо близится, и наконец принять решение без горечи. Повинуясь голосу инстинкта, я собирала обильную жатву впечатлений и воспоминаний, как бы в предвидении многолетней голодовки. Вот это-то и должно было бы меня насторожить.

1

Итак, за два часа до отбытия судна я отправилась пешком в Рокфеллер Центр, куда из нашего отеля, помещавшегося на Пятьдесят девятой улице, было рукой подать. Несколько раз я ходила туда ужинать на самый верх. В этот утренний час Рэнбоу Рум была отдана во власть уборщиков. Однако мой приход не вызвал у них ни удивления, ни комментариев в противоположность тому, что неизбежно произошло бы во Франции и в обществе французов. Это навело меня на кое-какие мысли. И мысли эти тоже были предзнаменованием.

Когда я сообщила о своем желании позавтракать, мне указали столик у окна в углу и отодвинули оттуда пылесосы. Бой-японец, пересаживавший растения в ящике, стоявшем вдоль стены, даже бровью не повел. Он продолжал трудиться, сидя на корточках у моих ног, гибкий и подтянутый в своей зеленой полотняной блузе; и оттого, что он был здесь и работал, я чувствовала себя еще лучше. За стеклом на крыше небоскреба два молодых человека мыли плитки, подставив яркому утреннему солнцу свои обнаженные торсы.

Официант принес мне, уж не знаю откуда, целый поднос, заставленный тарелками с едой, после чего меня оставили в одиночестве. Бой-садовник мною не интересовался. Город с этой высоты казался не таким гигантским, был словно нанесен на карту. Многие скрадывал полумрак, окутывала уходившая тень. Сентрал Парк уже успел порыжеть — жертва нью-йоркской жары, беспощадного нью-йоркского лета, континентального и морского одновременно; однако в этот утренний час, когда над городом еще нависала неподвижная завеса тумана, дышалось вольнее.

Я прислонилась плечом к стеклянной перегородке. Сквозь легкую ткань платья я ощущала, как проникает в меня, до самых глубин моего существа, мощная вибрация верхних этажей небоскреба, раскачиваемых ветром. Я даже не притронулась к очищенному грейпфруту, к солодовому молоку, ко всем этим блюдам, которые оставляют на нёбе приторный вкус и холодят язык и которые тем не менее были моей пищей в течение двух лет.

Я не стала задерживаться в ресторане и вышла на крышу — Обсервейшн Руф. И очутилась лицом к лицу с яростными порывами ветра; целые полчаса я посвятила путешествию вокруг вершины небоскреба. В зависимости от того, переходила ли я с западной стороны на южную или с южной на восточную, всякий раз моему взгляду открывался совсем новый город. Один — весь залитый светом, смазывавшим задний план, второй — с более резкими очертаниями, вытянутый в направлении океана, похожий на прилегшего зверя, чья голова

уходит за горизонт, третий — весь в провалах теней, ошетилившийся со всех сторон квадратными башнями и обелисками; и почти повсюду — отливавшая сталью поверхность вод, соседствующих с городом.

Я стала расспрашивать мойщиков. Отвечали они мне фамильярным тоном. Почти у самого моего лица они размахивали голыми руками, стараясь точнее указать интересовавшие меня площадь или строение. А я придерживала шляпу, боясь, что ее унесет ветром. Я еле стояла на ногах, ветер то толкал меня в спину, то в бок, когда я поворачивалась к своим собеседникам. А они, привыкшие к этому шквалу, инстинктивно по-морскому расставляли ноги, и их ничуть не качало.

Мой еле заметный иностранный акцент их удивил. Тот, что был помоложе, засыпал меня вопросами. Он просто не мог поверить, что я француженка. А когда я сообщила, что скоро отходит мой пароход, он даже охнул. Боюсь, что я была польщена его вниманием. Я с улыбкой отвечала на его вопросы. Рассказала о годах учения в университете Беркли. Сам он заканчивал курс Колумбийского университета, чья футбольная команда пользуется громкой славой. Но чтобы платить за учебу, приходилось мыть полы. Он добавил, что сейчас пишет танцевальную музыку, пока ему еще не удалось продать ни одного своего опуса.

Юноша снова взялся за брандспойт, за то оружие, которое сперва дало ему возможность образовать свой ум и натренировать тело, а теперь позволяло сочинять вальсы. И опять я подумала, что

Соединенные Штаты представляют собой некий лагерь для тренировок, что физический труд здесь с первого взгляда напоминает спорт (тот же полуживой ритм движений, те же полуобнаженные торсы), тогда как занятие спортом — настоящая работа.

Я снова нагнулась над Нью-Йорком. Я медлила, все время поглядывая на свои часики, разрешала себе постоять здесь еще пятнадцать минут, потом еще пять. И вдруг я почувствовала, что раннее это утро будет и останется самым ярким из всех моих воспоминаний, что, быть может, это-то и есть знаменательнейший миг всей моей жизни.

Когда я подошла к двери, собираясь спуститься с высот на землю, оба юноши помахали мне на прощание рукой и крикнули:

— So long! Come again!¹

Там эта фраза в ходу, нечто вроде формулы. Мне ее говорили тысячи раз, даже в магазинах. Но сейчас она почему-то прозвучала для меня совсем по-новому. Я остановилась, застыла на пороге, так его и не переступив. Come again! И речи быть не могло, что я когда-нибудь сумею вновь посетить Америку. Даже сейчас, когда прошло столько времени, даже сейчас об этом не может быть речи. И все же... Come again...

Когда на пароходе мне открыли дверь моей каюты и я вошла туда, первым делом я заметила на столе уже поджидавшие меня телеграммы. Я их вскрыла. Тут были пожелания счастливого пути, которые

¹ До свидания! Возвращайтесь! (англ.)

посылали мне мои подруги по университету Беркли, и все это в традиционном духе: от Салли, от Филли, от Джен... Ни одного мужского имени. Я перечитала их еще раз. Проверила каждую подпись.

Горничная предложила разобрать мои чемоданы. В эту минуту раздался телефонный звонок. Я жестом попросила горничную взять трубку в полной уверенности, что позвонили по ошибке.

— Простят мадемуазель Буссардель, — сказала горничная, вопросительно глядя на меня и прикрыв ладонью трубку.

— Это я. Но кто звонит? — осведомилась я.

Горничная спросила, потом передала мне:

— Судовой комиссар.

Она протянула мне трубку. Я была удивлена, услышав вполне светский голос и просьбу принять самые искренние пожелания. По своей наивности я ожидала разговора с офицером, а вместо него оказался в высшей степени галантный чиновник. Франция вновь брала свои права.

Мой собеседник заявил, что он с огромным нетерпением ждал той минуты, когда я войду в каюту. И я шутливо поздравила его с той поистине магической скоростью, с какой дошло до него это известие. Он принял мой комплимент всерьез и сказал, что среди длинного списка пассажиров сразу же заметил фамилию Буссардель.

— Я парижанин, так что не удивляйтесь, — говорил он очень любезным тоном. — Увидев вашу фамилию, я от души пожелал, чтобы вы оказались одним из членов семейства мсье Теодора Буссарделя, биржевого маклера.

Я невольно улыбнулась. Не так церемонным речам своего собеседника, как неожиданному появлению нашей семьи.

Ибо и впрямь дело пошло быстро. Они не заставили себя ждать. Театр, где должен был разыгаться спектакль возвращения под отчий кров, еще не был освещен, еще не прозвучали за кулисами три традиционных удара, еще я не была готова к выходу, но, опережая назначенный час, все они, с обычным своим многозначительным видом, уже ворвались на сцену под предводительством своего вождя, почтенного главы нашего дела — моего дяди Теодора.

— Это мой дядя, — сказала я комиссару.

— Тогда, значит, вы дочь его брата и компаньона, иначе быть не может. Я имею честь знать также и его.

Весь этот разговор прозвучал для меня по-странному, я сказала бы, даже по-иностранному... Мне почему-то казалось, что мы беседуем не на моем родном языке. Возможно, объяснялось это тем, что за последние два года я впервые слышала чистую французскую речь.

Я ответила:

— Его компаньон?.. Это мой отец.

После этих слов в трубке завосклицали, предложили мне выбрать каюту, более удобно расположенную. Не сочту ли я за труд пройти в салон комиссара и самой указать на плане каюту из тех, что еще не заняты, и которая меня больше устроит.

— Если вы не против, господин комиссар, — произнесла я, поблагодарив его, — мы увидимся после отплытия. Меня провожают друзья.

Почему я сказала эту фразу? Эту ложь? В Нью-Йорке я почти никого не знала и накануне отъезда распрощалась с немногочисленными моими знакомыми. Никто не пересек огромный холл «Френч Лайн», торопясь ко мне, никто не прошел бок о бок со мной по мосткам. Все, что было для меня самого дорогого в Америке, осталось на другом краю континента, в бухте Сан-Франциско или где-нибудь высоко в горах в Сан-Бернардино Рейндж, и оттуда-то как раз я даже не получила телеграммы с пожеланием счастливого пути.

Никто среди толпы, собравшейся на пирсе, не махал мне рукой... Однако при одной мысли о встрече с этим милым комиссаром, который расспросит меня о моих братьях, родных и двоюродных, при мысли, что придется сидеть в этой каюте, где уже незримо собралась вся наша семья, хотя пароход еще стоял у причала, в двух шагах от американской земли... при одной этой мысли меня вдруг потянуло на свежий воздух, на солнце, заливавшее все своим светом. Я поднялась на верхнюю палубу, оперлась о релинги и осталась здесь стоять. Я была почти одна. Толчея шла лишь на главной палубе и в холлах.

Меня снова охватила накопившаяся за неделю усталость. Сидя в такси, которое четверть часа назад доставило меня к Гудзону, я пообещала самой себе, что буду спокойно отдыхать вплоть до завтрака. Раз уж я одна... Но надо же было, чтобы все объединилось против меня и выгнало прочь из каюты. И привело меня на эту палубу, показав еще раз безмерно огромный город и необъятную страну, которую я сейчас покидала навсегда.

А ведь отсюда я почти не видела Нью-Йорка. Его закрывали от меня складские помещения. И я возвратилась мыслью к высотам Рокфеллер Центр; я вновь стояла лицом к лицу со светозарным ветром, рядом с двумя обнаженными по пояс, золотыми от загара юношами. Вкруг нас троих вихрем закружились другие образы, другие воспоминания; передо мной представляли то деревни, плодородные и иссушенные зноем, то нефтяные вышки, торчащие вдоль берегов, спускавшиеся даже в море, озера безмолвия под сенью могучих вековых елей и высоких гор, пустыни, каменистые и поросшие густым кустарником, — все, с чем были для меня связаны рассказы о прериях, — автострады с разделительной полосой, четко белевшей даже в самую темную ночь, и улицы Сан-Франциско, идущие под уклон, пересеченные отлогими площадками. Вновь я увидела своих соучениц, моих подружек по университету; вот они идут непринужденной походкой, с непокрытыми головами, прижимая локтем тетрадки к левому боку. А главное, я увидела...

Я ждала вопля сирены. Мне почему-то казалось, что она медлит, и я то и дело поглядывала на часы. Если бы от меня зависело дать сигнал к отправлению, не знаю, ускорила бы я его или замедлила. Я торопила эту минуту и боялась ее.

Сирена наконец завывала, и завывала так близко от меня, что я вздрогнула всем телом, оглушенная и напуганная. Потом прошло еще несколько минут. Мне трудно было бы сказать, когда именно пароход вышел из состояния неподвижности. Я поняла это, почувствовала по неестественной суете, охватившей

толпу родных и друзей, торопливо покидавших судно. Отсюда, сверху, я видела, как они выстроились вдоль пристани, но крыша склада заслоняла от меня большую часть толпы. Руки дружно вытянулись вперед, замахали платками, шляпами. Но, по-видимому, никто не плакал. Рты выкрикивали прощальные слова, тонувшие в общем гуле, казалось, на всех губах застыла веселая улыбка.

Но вот общее волнение передалось и мне, оно становилось все острее, по мере того как борт парохода медленно пронесил нас над сгрудившейся толпой. Когда склад наконец сдвинулся в сторону, показав самый край пристани, где жестикулировала толпа, сбившись на площадке, возвышавшейся над черной водой, внезапное чувство дружеского умиления, а может быть, и тоски сжало мое сердце. Мне вдруг так не захотелось расставаться с этой толпой, с этими незнакомыми мне людьми... Ах, как глупо было с моей стороны не позволить себя проводить! Я была бы рада любому провожающему, даже самому равнодушному. Я тоже искала бы его в давке, нашла бы, я тоже переговаривалась бы с ним жестами, взмахом руки, не спускала бы с него глаз, долго-долго, как можно дольше...

Пароход увозил меня от этого мира, который я покидала, уже покинула. Еще тридцать метров, и силуэты сольются в одно неразличимое темное пятно... Пока еще было время, я поспешила выбрать себе один из этих силуэтов. На самом краешке пристани, чтобы случайно не потерять его из виду. Какого-то белокурого мужчину, вернее, юношу. Я сама возвела его в ранг своего провожающего. Он стал моим

boy-friend¹. Он даже не подозревал о том, что я навязала ему эти узы, и, должно быть, все его помыслы были поглощены одним из наших пассажиров, а возможно, одной из наших пассажирок, мне еще неизвестной. Сложив ладони рупором, он кричал что-то, чего не было слышно, и сам смеялся своим словам. А потом, когда расстояние между нами увеличилось, он замолчал и стал махать над головой своей широкой ладонью. Он смотрел в мою сторону, а я смотрела на него. Но он становился все меньше и меньше, лицо его тускнело, уже грозило слиться с соседними лицами... Тогда я протянула к нему обе руки, я махала ему, посылая прощальный привет, и кричала ему что-то, сама не помню что, по-английски.

Я перешла на корму. Публика уже начала собираться в застекленной клетке ресторана. Наступил час завтрака. Но мне не хотелось есть. То, что раньше удерживало меня на палубе, теперь лишало аппетита, делало неуязвимой против взглядов кое-кого из ресторанной публики, не без любопытства поглядывавшей через стекла на странную пассажирку, которая упивалась открывавшимся ей зрелищем Нью-Йорка.

И в самом деле, это было прелюбопытное зрелище. Я спускалась по Гудзону. Я видела, как в обратном порядке проходило передо мной все то, что двумя годами раньше было для меня чудом первой встречи.

Нас сопровождала моторная лодка. Она подпрыгивала у правого борта на гребнях волн, поднятых

¹ Приятель (англ.).

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Эриа Филипп

ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ

Ответственный редактор *М. Смылова*
Художественный редактор *А. Демочкина*
Технический редактор *К. Кочурина*
Корректоры *В. Новиченкова, П. Шевнина*
Верстка *Л. Харченко*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 14.02.2025.
Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0.

Тираж 3000 экз. Т-АНФ-35872-01-Р. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ — АЗБУКА тауар белгісінің иесі 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге 191024, г. Санкт-Петербург, ул. Херсонская, д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа Тобы» ЖШҚ филиалы 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14-үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

